

УДК 821.112.2(436).09 Кафка Ф.
ББК 83.3(4Авс)-8 Кафка Ф.
Б20

Benjamin Balint

KAFKA'S LAST TRIAL

© Benjamin Balint, 2018 This edition is published by arrangement with
The Deborah Harris Agency and Synopsis Literary Agency

Балинт, Бенджамин.
Б20 Кафка : жизнь после смерти : [судьба наследия великого писателя] /
Бенджамин Балинт ; [пер. с англ. Е. Кручины]. — Москва : Эксмо,
2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-095604-3

Удивительная история наследия Франца Кафки — детектив, произошедший на самом деле. Кафка не собирался публиковать свои произведения, а завещал уничтожить их после своей смерти лучшему другу, Макс Броду. К счастью для мировой литературы, Брод разглядел гений тогда еще никому не известного Кафки и, в конечном итоге, посвятил оставшуюся жизнь их публикации. Но по-настоящему захватывающая битва за труды великого писателя началась со смерти Макса Брода — по стечению обстоятельств за них стали бороться два государства, считавших Кафку «своим» писателем, Израиль и Германия.

В своем увлекательном расследовании журналист Бенджамин Балинт распутывает клубок правовых, политических и этических споров, показывая читателю новую сторону великого Франца Кафки и непростую судьбу его сочинений.

УДК 821.112.2(436).09 Кафка Ф.
ББК 83.3(4Авс)-8 Кафка Ф.

ISBN 978-5-04-095604-3

© Кручина Е., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Издание для досуга

Бенджамин Балинт

КАФКА

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

СУДЬБА НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ

Главный редактор *Р. Фасхутдинов*
Руководитель направления *Т. Коробкина*
Ответственный редактор *А. Дьяченко*
Редактор *Е. Руссиян*
Младший редактор *И. Останина*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин : www.book24.ru

Интернет-дуken : www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды

қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ

о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»

www.eksmo.ru/certification

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 23.07.2018. Формат 60x90¹/₁₆.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0.

Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-04-095604-3

9 785040 956043 >

В электронном виде книга доступна на сайте
Купить на www.litres.ru

ЛитРес:
Самая большая электронная библиотека

СОДЕРЖАНИЕ

1. Последняя апелляция	5
2. «Фанатичное почитание»: первый зачарованный Кафкой	20
3. Первый процесс	39
4. Флирт с Землёй Обетованной	60
5. Первый и второй приговоры	84
6. Последний сын диаспоры: еврейская послежизнь Кафки	102
7. Последний сбор: Кафка в Израиле	122
8. Последняя воля Кафки, первое отречение Брода	144
9. Творец Кафки	157
10. Последний поезд: из Праги в Палестину	168
11. Последний плясун на канате: Кафка в Германии	182
12. Лорел и Харди	203
13. Последняя любовь Брода	221
14. Последняя наследница: Кафка на продажу	236
15. Страшный суд	243
Эпилог	257
Библиография	265
Благодарности	281
Примечания	282

ПОСЛЕДНЯЯ АПЕЛЛЯЦИЯ

Верховный суд Израиля,
улица Шаарей Мишпат, 1, Иерусалим,
27 июня 2016 года

Слово «быть» (sein) обозначает на немецком языке и существование, и принадлежность кому-либо.

Франц Кафка, «Размышления об истинном пути», афоризм 46

Однажды летним утром 82-летняя Ева Хоффе сидела, сложив руки, на полукруглой деревянной скамье, стоявшей в нише высокого вестибюля здания Верховного суда Израиля в Иерусалиме. Чтобы скоротать время до начала слушаний, её помощница листала ежедневную газету *Maariv*. Вообще Ева избегала прессы; ее возмущали потоки лжи, выплескиваемые журналистами, которые любили изображать её эксцентричной любительницей кошек и хваткой дамочкой, только и думающей о том, как легко и быстро заработать на культурных сокровищах, слишком ценных для нахождения в частных руках. Взгляд Евы привлек заголовок на первой странице газеты, набранный большими красными буквами. «Они что, выставили на аукцион прядь волос Дэвида Боуи?» — заметила она с ноткой негодования в голосе. «Да, будто это религиозная реликвия», — подтвердила подруга.

Сегодня решалась судьба реликвий другого рода. Три месяца назад, 30 марта 2016 года, Ева узнала, что Верхов-

ный суд согласился рассмотреть ее дело, «учитывая его общественную значимость». Как ни странно, при этом дело Евы не фигурировало в открытой повестке дня наряду с другими разбирательствами. Цифровое табло в вестибюле Верховного суда сообщало лишь о слушании дела «Аноним против Анонима».

Может, Ева, которая приехала почти на час раньше назначенного времени, просто пропустила объявление на другом табло, висевшем на входе. Впрочем, это уже не имело никакого значения: она в любом случае потеряет анонимность, как бы ни старалась её сохранить. Сегодня наступает кульминация восьмилетней битвы за наследство. Ранние этапы этого судебного процесса, связанные с правовыми, этическими и политическими дилеммами, широко освещались в израильской и международной прессе: открытые слушания проходили сначала в Тель-Авивском суде по делам семьи (с сентября 2007 по октябрь 2012 года), а потом в окружном суде Тель-Авива (с ноября 2012 по июнь 2015 года). С самого начала это разбирательство превратилось в конфликт права частной собственности с общественными интересами двух стран. Вопрос был в том, кому же принадлежит наследство уроженца Праги, немецкоязычного писателя Макса Брода (1884–1968): гражданке Еве Хоффе или Национальной библиотеке Израиля? Или лучше всего поместить его в Немецкий литературный архив, расположенный в Марбахе, Германия? На чаше весов лежало нечто большее, чем наследство Макса Брода, некогда признанного деятеля культуры Центральной Европы. Брод был другом, редактором и распорядителем литературного наследия другого пражского писателя, чье имя символизирует всю современную литературу: Франца Кафки.

Наследство Брода включало в себя не только его собственные рукописи, но и груды бумаг Кафки, которые со временем стали хрупкими, как осенние листья. Спустя де-

вяносто два года после смерти Кафки эти рукописи обещали пролить новый свет на сверхъестественный мир писателя, придумавшего неповторимый, мгновенно узнаваемый стиль сюрреалистического реализма и выявившего самые сильные пороки XX века: века дезориентации, абсурда и безликой тирании. Кафка — редкий пример писателя, от фамилии которого было образовано прилагательное (кафкианский). Невероятная история о том, как рукописи Кафки попали в руки семьи Хоффе, включает в себя рассказ о непризнанном писателе, оказавшемся гением, и о том, как ближайший друг не выполнил его последнюю волю. Также эта история рассказывает о драматичном бегстве от нацистских захватчиков, уже закрывавших ворота Европы; о любовной связи между эмигрантами, оказавшимися в Тель-Авиве; о двух странах, чьи навязчивые идеи о преодолении травм прошлого привели их сегодня в Верховный суд. Но, главное, суд ставил ребром один очень сложный вопрос: кому же принадлежит Франц Кафка?

Кафка — редкий пример писателя, от фамилии которого было образовано прилагательное (кафкианский).

Ева, которая оказалась в самом центре этой бури страстей, родилась в Праге 30 апреля 1934 года — спустя десять лет после того, как Кафку похоронили на городском еврейском кладбище. Ей было всего пять лет, когда она бежала из оккупированной нацистами Праги вместе со своими родителями Эстер (Илзе) и Отто Хоффе и старшей сестрой Руфь. Ева показывала мне фотографии Эстер, своей матери: молодая пражская красавица запечатлена на них со своим любимцем, великолепным немецким догом по кличке Тассо. Так его назвали в честь итальянского поэта XVI века Торквато Тассо, более всего известного своей поэмой *La Gerusalemme liberata* («Осво-

бождённый Иерусалим»), вышедшей в 1581 году. «Я тоже назвала одну из своих кошек Тассо», — сообщила Ева.

После переезда в Палестину Ева пошла в школу киббуцы Ган-Шмуэль на севере страны, у города Хадера, а потом до 15 лет училась в сельскохозяйственном интернате молодежного поселения Бен-Шемен в центральном Израиле. Здесь девочку опекала ее любимая учительница, художница Наоми Смилянски (1916–2016), но Ева вспоминает, что в Бен-Шемене она все время страдала от одиночества: «Я ужасно тосковала по родине и плакала почти каждую ночь». В начале Войны за независимость Израиль в 1948 году, когда Бен-Шемен осаждался силами Арабского легиона, её вместе с другими детьми вывезли из поселка в бронированных автобусах.

«Он ужасно боялся войны, — вспоминала Ева. — Боялся, что они нас уничтожат».

После войны Ева служила в подразделениях Армии обороны Израиль — Нахаль (такие единицы, создававшиеся под эгидой Корпуса просвещения и молодёжи Израиль, одновременно решали задачи социального волонтерства, организации поселений, ведения сельского хозяйства и несения воинской службы).

Отслужив, Ева решила изучать музыковедение в Цюрихе, но в 1966 году, еще до завершения курса, вернулась в Израиль — отчасти из-за своего отца, Отто, беспокоившегося из-за неизбежных военных действий между Израилем и соседними арабскими государствами. «Он ужасно боялся войны, — вспоминала Ева. — Боялся, что они нас уничтожат». Наконец летом 1967 года разразилась Шестидневная война. Каждый из этих шести дней Ева приходила в кафе «Кассит» на улице Дизенгофа в центре Тель-Авива и подолгу потягивала эспрессо, сидя за одним из крошечных столиков на тротуаре, под шестью картинами с кукольными арлекинами и музыкантами,

которыми художник Йосл Бергнер расписал выходящую на улицу стену. Кафе служило местом сбора и обмена слухами между длинноволосыми представителями богемы, интеллектуалами, мелкими торговцами и представителями армейской верхушки, в числе которых был и Моше Даян. (Будущий премьер-министр, а тогда майор Ариэль Шарон однажды выговаривал здесь унтер-офицеру: «Чего вы все болтаете о наших операциях с журналистами из *Haolam Hazeh* (еженедельник, который выпускал Ури Авнери. — Прим. авт.), пока всё время сидите в „Кассите“?»².) Завсегдатай этого кафе, Авнери говорил, что «здесь люди тёрлись друг о друга и уже в самом этом трении обретали воодушевление». Каждый день Ева приносила домой обрывки подслушанных разговоров о ходе войны, а отец встречал её рассказы о победах израильтян с недоверием...

По окончании Шестидневной войны Ева преподавала музыку и ритм ученикам первого и второго классов, радуясь их импровизациям. Но в следующем году Ева пережила двойную потерю: с промежутком в пять месяцев ушли из жизни и её отец, и уроженец Праги писатель Макс Брод, который буквально стал для неё вторым отцом. Ева поняла, что она больше никогда не сможет ни исполнять, ни преподавать музыку.

Заметив страдания Евы, израильский поэт и автор песен Хаим Хефер (1925–2012), еще один завсегдатай кафе «Кассит», порекомендовал ее на работу в израильскую авиакомпанию «Эль Аль», и три следующих десятилетия она работала там сотрудницей наземного персонала. «Я не хотела быть стюардессой, — сказала она, — потому что мне хотелось быть рядом с матерью». Вместо этого она совсем как ребенок радовалась, слушая рев самолетных двигателей и наблюдая за работой коллег в светоотражающих жилетах и звукопоглощающих наушниках, которые с помощью светящихся жезлов направляли прибывающие

самолеты на стоянки. В 1999 году, в возрасте 65 лет, она ушла на пенсию.

За все годы работы в «Эль Аль» Ева так и не захотела полететь в Германию. «Я не смогла их простить», — сообщила она. А еще за все эти годы она так и не вышла замуж. «Когда я услышала, как язвительно Феликс Вельч (друг Кафки, бежавший из Праги в Палестину вместе с Максом Бродом. — Прим. авт.) отзывался о своей жене Ирме, то поняла, что не хочу выходить замуж». Она предпочла жить в подобии симбиоза со своей матерью Эстер вместе с их кошками в тесной тель-авивской квартирке на улице Спинозы.

Ева Хоффе быстро влилась в круги интеллектуалов Тель-Авива — в число ее друзей входили родившийся в Берлине и писавший на иврите поэт Натан Зах и художник Менаше Кадишман, — но сама не претендовала на какую-то особую интеллектуальность. Она признавалась мне, что не читала многих книг Брода. У Евы не было детей; она полагалась на поддержку круга преданных друзей, они с нее разве что пылинки не сдували. Трое таких друзей сейчас сидели рядом с ней в уголке зала Верховного суда, ожидая начала слушаний. «Что бы ни случилось, — предупредил её человек с газетой, — не говори ни слова! И никаких возгласов!» Она кивнула и передала свое огорчение словами другого человека: «Если бы Макс Брод был жив, — глухо сказала она, — то он бы пришел на этот суд и сказал: „*Jetzt Schluss damit!*“» («Да хватит уже!»).

Одна израильская писательница сказала мне, что Ева Хоффе представляется ей «вдовой призрака Кафки». Из-за постоянной перспективы потерять наследство Ева приобрела схожесть с отчаянием этого призрака перед беспросветностью правосудия. В одном из эпизодов незавершенного романа Кафки «Процесс», который после смерти автора отредактировал и опубликовал Брод, дя-

дя Йозефа К. говорит ему: «Кто такой процесс допускает, тот его проигрывает»³. Сегодня Ева добавила, что она тоже сгибается под тяжестью отчаяния: «Это состязание по перетягиванию каната, в котором у меня нет никаких шансов, ведь против меня выступают невероятно сильные противники». Она имела в виду Государство Израиль, которое утверждает, что рукописи, унаследованные её матерью от ближайшего друга Кафки, принадлежат не ей, а Национальной библиотеке Израиля, находящейся в Иерусалиме.

Шум, сопровождавший слушания, стих. Наступило время Евы. Бледная, но полная решимости, она вошла в зал суда. «Законность? Справедливость? — проговорила Ева, открывая тяжелые двери, ведущие из вестибюля в зал судебного заседания. — Эти слова давно исчезли из лексикона».

В романе «Процесс» во всех залах судебного присутствия царит мрачная полутьма. Не то что в иерусалимском Верховном суде — его зал напоминает часовню с высокими сводами, чьи некрашенные белые стены залиты солнечным светом. Здесь нет блеска или позолоты. Угловое здание суда, построенное на средства лондонской благотворительницы Дороти де Ротшильд, облицовано иерусалимским камнем и увенчано покрытой медными листами пирамидой. Последняя по форме напоминает древнюю гробницу пророка Захарии — высеченный из скалы памятник в Кедронской долине на востоке Иерусалима.

За полукруглым столом сидели девять стражей закона, облаченных в чёрные мантии. Они выражали интересы трёх (не обязательно равных) сторон этого разбирательства: Национальной библиотеки Израиля (можно ска-

○—————○
**В романе «Процесс»
 во всех залах судебного
 присутствия царит
 мрачная полутьма. Не
 то что в иерусалим-
 ском Верховном суде.**
 ○—————○

зять, она пользовалась особым преимуществом, поскольку разбирательство проводилось на израильской территории); Немецкого литературного архива в Марбахе (у которого было финансовое преимущество, ибо архив располагал ресурсами, недоступными двум другим сторонам); и, наконец, Евы Хоффе (в данный момент именно она обладала ценностями, на которые претендовали две другие стороны). Каждая из сторон вела полемику законными средствами, но все они (а за ними и судьи) колебались между двумя типами аргументов: юридическими и символическими. Судебное разбирательство обещало пролить свет на вопросы, значимые для будущих отношений между странами Израиля и Германии. И Марбах, и Национальная библиотека Израиля принесли в зал суда озабоченность оценками прошлого двух государств (хотя эти оценки были совершенно различны); обе стороны пытались использовать Кафку как почетный трофей из прошлого, считая писателя средством для поддержания национального престижа.

В начале речи он сказал, что суд не должен принимать никакого решения, ибо по сути это решение было вынесено четырьмя десятилетиями ранее.

Адвокаты сидели спиной к рядам зрителей и лицом к трём судьям, восседавшим на возвышении. Слева находился Йорам Данцигер (видный специалист по коммерческому праву), в центре — Эльяким Рубинштейн (бывший Юридический советник правительства Израиля), справа — Цви Зильберталь (бывший судья окружного суда Иерусалима). Этим людям было поручено измерять законность каждого довода и определять пределы этой законности.

Ева сидела одна, в первом ряду. За несколько месяцев до этого я случайно встретил ее на улице Ибн Гвириля в Тель-Авиве, недалеко от ее квартиры; мне показалось,

что она просто рассеянно бродит по городу. Сегодня её лицо, усыпанное пигментными пятнами, демонстрировало напряженное внимание и ясность сознания. Она заняла место прямо за своим адвокатом Эли Зоаром, опытным юристом с налаженными связями, который за свою карьеру представлял в судах высокопоставленных руководителей, офицеров высшего звена Армии обороны Израиля, крупных деятелей израильской военной промышленности и Шабак (Общей службы внутренней безопасности Израиля), а также — менее успешно — бывшего премьер-министра Израиля Эхуда Ольмерта. (Ольмерт, осужденный в 2012 году за злоупотребление доверием, а в 2014 году — за взяточничество, начал отбывать 19-месячный тюремный срок в феврале 2016 года.) За последние восемь лет Ева несколько раз меняла адвокатов: до Зоара ее интересы на разных этапах разбирательства представляли Йешая Этгар, Одед Коэн и Ури Цфат. Ева говорила мне, что она отдала Зоару в залог свою квартиру на тот случай, если она умрёт до того, как закончится суд.

Зоар, редкие волосы которого были зачёсаны набок, прокашлялся и начал говорить. Говорил он с вежливой отстраненностью — доходчиво, без нарочитости. В начале речи он сказал, что суд не должен принимать никакого решения, ибо по сути это решение было вынесено четырьмя десятилетиями ранее. Когда в 1924 году Франц Кафка умер от туберкулеза, не дожив одного месяца до своего сорок первого дня рождения, то его близкий друг и покровитель Макс Брод — сам известный и плодовитый автор — нарушил последнюю волю Кафки: сжечь оставшиеся рукописи, дневники и непрочитанные письма. Вместо этого Брод сохранил рукописи и посвятил всю свою оставшуюся жизнь канонизации Кафки как самого прозорливого и беспокойного летописца XX века. Когда Брод умер в Тель-Авиве в 1968 году, эти рукописи перешли к его секретарю и доверенному лицу Эстер Хоффе, матери Евы.

В 1973 году, спустя пять лет после смерти Брода, продолжал Зоар, Государство Израиль подало в суд на Эстер Хоффе за хранение рукописей Кафки, которые она унаследовала. Дело попало к судье Тель-Авивского окружного суда Ицхаку Шило. В январе 1974 года судья Шило постановил, что последняя воля Брода «позволяет г-же Хоффе в течение её жизни поступать с его наследством так, как ей заблагорассудится».

Обратившись к этому прецеденту, Зоар сообщил, что, при всем уважении к судьям, нынешнее разбирательство представляется ему нецелесообразным; нет никакой необходимости пересматривать дело, которое уже дало Эстер право на то, что у нее было.

Эти аргументы не очень-то повлияли на судью Рубинштейна. В манере всезнающего школьного учителя судья дал Зоару короткую отповедь: «Пожалуйста, переходите, наконец, к делу. Мы не можем посвящать столько времени решению судьи Шило, которое мы все и так читали. Продолжайте».

Не обращая внимания на реплику, Зоар попытался сделать еще один шаг: почему же, спросил он, следует передавать наследие Кафки и Брода в Национальную библиотеку Израиля, в которой явно не хватает специалистов, разбирающихся в немецкой литературе?

— Вопрос состоит не столько в том, сможет ли библиотека предоставить экспертов, — подал голос с правой стороны подиума судья Зильберталь, — сколько в том, сможет ли библиотека сохранить эти материалы и сделать их доступными для ученых, которые захотят с ними ознакомиться.

После этого выступил адвокат Йосси Ашкенази, назначенный судом временным судебным исполнителем по делу о наследстве Макса Брода. Он был моложе Зоара и говорил не столь гладко, как он, и излагал свои мысли менее витиевато. Брод предоставил Эстер Хоффе право

выбирать, кому и как передавать рукописи, утверждал Ашкенази, но не право передавать возможность этого выбора ее наследницам. Брод «не хотел, чтобы ее дочери занимались этим вопросом».

Ева опустила свои голубые глаза и покачала головой, отчего ее длинные волосы слегка заколыхались, но тут же подавила любые другие признаки недовольства.

Теперь в правом углу появилась лысая голова адвоката Меира Хеллера, похожая на отполированное до блеска пушечное ядро. Хеллер, который в ходе этой восьмилетней битвы представлял Национальную библиотеку Израиля, вышел к суду вразвалку. Он обвинил Эстер Хоффе в том, что она не давала исследователям доступа к рукописям и десятилетиями хранила их под замком, и призвал суд положить конец этой нетерпимой ситуации. Ежегодно сотни исследователей, продолжал он, посещают Национальную библиотеку, чтобы изучать тысячи личных архивов еврейских писателей, которые там хранятся. Затем Хеллер выразил надежду, что документы Кафки, спасённые Бродом, скоро найдут себе среди них достойное место. Подтекст его аргументации был очевиден: Кафка, еврейский писатель, творивший на нееврейском языке, принадлежит еврейскому государству.

«Попытка изобразить Кафку еврейским писателем просто смешна, — однажды сказала мне Ева. — Он не любил своего еврейства. Он писал от сердца, изнутри. У него не было диалога с Богом». Но даже те, кто считает его еврейским писателем, сказала она, не могут юридически правильно вывести из этого следствие, согласно которому его литературное наследие должно храниться в каком-то «правильном месте». «Архивы Натана Альтер-

—
Теперь в правом углу
появилась лысая го-
лова адвоката Меира
Хеллера, похожая на
отполированное до
блеска пушечное ядро.
—